

Оливье Жан Бланшар.
Неоклассический синтез
(Olivier Jean Blanchard. Neoclassical Synthesis)

Термин «неоклассический синтез» был, по-видимому, введен Полом Самуэльсоном для обозначения консенсуса в области макроэкономики, который оформился в середине 1950-х годов в США. Сошлемся на третье издание его учебника «Экономика»:

«В последние годы 90% американских экономистов уже не делятся на «кейнсианцев» и «антикейнсианцев». Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения доходов. Результат этого синтеза, который можно назвать неоклассической теорией, принимается в общих чертах всеми, за исключением примерно пяти процентов крайне левых и стольких же крайне правых авторов» (Samuelson, 1955, p. 212).

В отличие от прежней неоклассической теории новый синтез не предполагал полной занятости в условиях *laissez faire*, однако считалось, что при правильной денежной и бюджетной политике старые классические истины вновь станут актуальными.

Этому синтезу суждено было стать господствующей системой воззрений в последующие двадцать лет, в которую вполне естественно вписалась большая часть того, что было предложено Хиксом, Модильяни, Солоу, Тобином и др. Его высшим достижением явились, по-видимому, большие эконометрические модели, в частности разработанная Модильяни и его сотрудниками модель MPS, включавшая в себя большую часть названных теоретических достижений и представлявшая собой эмпирически обоснованную и математически последовательную модель экономики США. Однако с самого начала для синтеза было характерно шизофреническое отношение к микроэкономике. Эта шизофрения не могла в конце концов не привести к серьезному кризису, который пока еще не преодолен. К этому кризису привел вызов «новой классической макроэкономики»,

возглавляемой Лукасом, Сарджентом и др. Рассмотрим последовательно первоначальный синтез, зрелый синтез и текущий кризис.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ. В ретроспективе можно утверждать, что послевоенный консенсус состоял из двух основных убеждений.

Первое заключалось в том, что решения, принимаемые фирмами и индивидами, в основном рациональны и, будучи таковыми, поддаются изучению с применением стандартных микроэкономических методов. В предисловии к собранию своих сочинений Модильяни подчеркивает это:

«[Одной из] главных тем, определявших мои научные интересы, [было объединение] основных элементов «Общей теории» с более общепринятой методологией, которая опирается на основополагающий постулат рационального максимизирующего поведения экономических агентов...» (Modigliani, 1980, p. xi).

Вера в рациональность была далеко не слепой: признавалось, что «жизнерадостность» (animal spirits), влияющая на инвестиции, была основным источником динамики совокупного спроса. Например, возможность того, что корпоративные сбережения слишком велики и не компенсируются личными сбережениями, рассматривалась как серьезная проблема и обсуждалась скорее на эмпирическом, чем на теоретическом уровне.

Эта вера в рациональность не включила, тем не менее, веру в эффективность функционирования рынков. Второе убеждение заключалось в том, что цены и заработная плата не могут быстро приводить рынки в равновесие. Существовало широкое согласие в том, что рынки не могут считаться конкурентными. Однако вызывает некоторое удивление то, что при популярных в то время теориях несовершенной конкуренции не делалось попыток рассуждать в терминах теорий, в которых экономические агенты назначали цены и заработную плату. Вместо этого преобладал способ рассуждений в терминах *tatonnement* (нащупывания), когда цены приспособляются к избыточному предложению или спросу с помощью динамического процесса адаптации, разработанному Самуэльсоном в его *Foundations* («Основаниях экономического анализа»). Кривая Филлипса, завезенная Самуэльсоном и Солоу в США в 1960 г., явилась в этом контексте одновременно и благословением, и проклятием. Она оказала мощную

эмпирическую поддержку «нащупывающему» типу взаимосвязи между скоростью изменения номинальной заработной платы и уровнем безработицы, но вместе с тем уменьшила потребность в совершенствовании микроэкономических оснований рыночной адаптации. Имея в руках надежную эмпирическую взаимосвязь и осознавая при этом сложность решения теоретической задачи, разумно было заняться другими, более насущными делами, дающими большую предельную отдачу.

Из этой пары убеждений вытекали важные последствия как для исследований, так и для экономической политики.

Так как предполагалось, что цены и заработная плата в конце концов приводят рынки в равновесие, а экономическая политика в любом случае позволит избегать продолжительного неравновесия, то макроэкономические исследования могли развиваться в двух различных направлениях. Одно из них могло изучать долгосрочную динамику производства, занятости и капитала, пренебрегая циклическими колебаниями деловой активности как второстепенными явлениями и используя стандартный инструментарий равновесного анализа. «Решение важнейших проблем денежной и бюджетной политики с использованием инструментария анализа доходов подтвердит и вновь придаст актуальность классическим истинам» (Samuelson, 1955). Или же можно было изучать краткосрочные флуктуации относительно тренда, пренебрегая самим трендом. Именно на этих путях к середине 1950-х годов было осуществлено большинство прорывов. Работы Хикса (Hicks, 1937) и Хансена (Hansen, 1949), в которых была сделана попытка формализовать основные элементы неформализованной модели Кейнса, привели к созданию модели IS — LM. Модильяни (Modigliani, 1944) прояснил роль жесткости номинальной заработной платы в кейнсианской модели. Метцлер (Metzler, 1951) показал значение эффекта богатства и роль государственного долга. Патинкин (Patinkin, 1956) прояснил структуру макроэкономической модели и взаимосвязь между спросом на товары, деньги и облигации в случае гибких цен и заработной платы. Было принято считать, что, за исключением маловероятных и редких случаев, кривая IS падает, а кривая LM растет. Послевоенные процентные ставки по сравнению с предвоенными были достаточно высокими, и можно было не беспокоиться о «ловушке ликвидности». Тем не менее, имела место существенная неясность относительно воздействия размеров процентных ставок на инвестиции и, следовательно, относительно наклона кривой IS. Допущение Кейнса и ранних кейнсианских моделей о фиксированной номинальной заработной плате было ослаблено и заменено медленной адаптацией цен и заработной платы к условиям рынка. Однако это не рассматривалось как существенное изменение прежних выводов. «Эффект Пигу» (как его окрестил Патинкин в 1948 г.), согласно которому достаточно низкие цены ведут к увеличению реальных денег и богатства, не рассматривался как

важное практическое соображение. Только политика активного государственного вмешательства давала возможность избежать больших колебаний экономической активности.

Усовершенствования не изменили общий вывод теории Кейнса о необходимости активной роли государства. Так как цены и заработная плата не приходили в равновесие достаточно быстро, то для поддержания почти полной занятости требовалось проводить активную антициклическую политику. Так как цены и заработная плата — или сама экономическая политика — в конечном итоге заставляют экономику оставаться в окрестностях ее траектории роста, то для подбора нужного в каждый момент времени сочетания фискальных мер следует использовать стандартные микроэкономические принципы фискальной политики. Считалось, что подлежит обсуждению скрытое противоречие между относительной результативностью этих мер с точки зрения регулирования совокупного спроса и их воздействием на аллокационную эффективность. Однако ни это, ни тот факт, что несостоятельность рынка, ведущая к краткосрочным колебаниям, не только не была полностью осознана, но даже и не была выявлена, не рассматривались в качестве действительно важных проблем.

Основные правила антициклической бюджетной политики были сформулированы, в частности, Самуэльсоном в серии его статей (например: Samuelson, 1951). Антициклическая фискальная политика должна охватывать как налоги, так и расходы; лучшим способом увеличения спроса во время депрессии является налоговое стимулирование как государственных, так и частных инвестиций с тем, чтобы выровнять общественные предельные нормы дохода на них. В чем заключалась позиция неоклассического синтеза по поводу денежной политики, не столь ясно. Хотя возможности денежной политики по сглаживанию колебаний признавались всеми, тем не менее, предпочтение отдавалось фискальным средствам, а денежная политика играла лишь подчиненную роль.

ЗРЕЛЫЙ СИНТЕЗ. В течение последующих двадцати лет первоначальный неоклассический синтез обеспечивал удобные для большинства макроэкономистов концептуальные рамки, в которые вполне естественно вписывалась их работа. Как отмечал Лукас, критикуя неоклассический синтез в 1980 г., приверженцы этих рамок относились с некоторой нетерпимостью «к тем из экономистов, кто, подобно Милтону Фридмену, не использовал его в своей работе» (Lucas, 1980). Программа исследований в большой степени предопределялась первоначальным синтезом, а также упором на поведенческие компоненты модели IS — LM и его агностическим подходом к адаптации цен и заработной платы. Как писал Модильяни, «кейнсианская система держится на четырех основных блоках: потребительской функции, инвестиционной функции, спросе и предложении на рынке денег, а также на механизмах, определяющих цены и заработную плату» (Modigliani, 1980, p.

xii). На многих из этих направлений были достигнуты впечатляющие результаты. Коротко перечислим их.

Тот факт, что предсказывавшийся всеми избыток сбережений после Второй мировой войны так и не наступил, привел к пересмотру теории потребительской функции. Основным претендентом постепенно становилась теория межвременной максимизации полезности. Она была разработана независимо Фридменом (Friedman, 1957) как «гипотеза постоянного (перманентного) дохода» и Модильяни с соавторами (в частности, 1954) как «гипотеза жизненного цикла». Как бы то ни было, в большинстве эмпирических исследований использовалась концепция жизненного цикла, модифицированная, чтобы учесть несовершенство финансовых рынков и ограничения, накладываемые ликвидностью. Частично это объяснялось тем, что эта концепция более четко выделяла роль богатства в потреблении, а через богатство — значение процентных ставок. В первоначальном синтезе ни богатство, ни процентные ставки не играли заметной роли.

Исследования в области инвестиционной функции были менее успешными. Трудность здесь частично объяснялась сложностью эмпирической задачи, неоднородностью капитала, а также возможностью замещения факторов *ex ante*, но не *ex post*. Хотя многие теоретические проблемы были прояснены в исследованиях экономического роста, их рассмотрение на эмпирическом уровне было затруднено. Проблема здесь частично заключалась в неоднозначности неоклассической теории поведения цен. Было неясно, можно ли считать, что фирмы сами устанавливают цены, или адаптация цен означает, что фирмы испытывают ограничения со стороны объема производства. «Неоклассическая теория инвестиций», разработанная Джоргенсоном и его соавторами, неоднозначна в этом отношении. Она косвенно допускает, что цена равна предельным издержкам, но в то же время включает в эмпирическую инвестиционную функцию в качестве аргумента объем производства, а не реальную заработную плату.

Исследования спроса и предложения на рынке денег были распространены на все активы. Солидные основания под теорию спроса на деньги были заложены Тобином (Tobin, 1956) и Баумодем (Baumol, 1952), а теория финансов дала теорию спроса на все активы (Tobin, 1958). Гипотеза ожиданий, благодаря которой не требуется оценивать полные модели спроса и предложения на финансовых рынках, была тщательно проверена и широко принята в качестве аппроксимации реальности.

В духе первоначального синтеза исследования цен и заработной платы были значительно слабее обоснованы теоретически, чем исследования по другим компонентам кейнсианской модели. Продолжавшиеся исследования по микроэкономическим основаниям динамики заработной платы и цен (в частности, см.: Phelps, 1972) были плохо связаны с эмпирическими уравнениями, связывающими заработную плату и цены. Построенная для конкретного случая, но успешно показавшая себя на практике кривая Филлипса, модифицированная со временем для учета постепенно растущего воздействия прошлой инфляции на инфляцию, вызываемую ростом заработной платы, продолжала в рассматриваемое время играть роль этого блока кейнсианского синтеза.

Все эти блоки вместе с теорией роста были разработаны в связи с макроэконометрическими моделями, а затем встроены в них. Начало этому было положено моделями, оцененными Клейном. Наиболее важной моделью была, по-видимому, разработанная Модильяни с сотрудниками модель MPS — FMP. Эта модель, сохраняя первоначальную структура предшествующих моделей — IS — LM и кривой Филлипса, — показала множество каналов, по которым внешние шоки и политика могут воздействовать на экономику. Она могла использоваться для нахождения оптимальной политики, для демонстрации результатов структурных изменений на финансовых рынках. К началу 1970-х годов считалось, что неоклассический синтез достиг большого успеха и намеченная после войны программа исследований в основном выполнена.

КРИЗИС. Начиная с 1975 г. неоклассический синтез борется за выживание. Хотя кризис начался с его неспособности объяснить текущие события, вскоре стало ясно, что проблема значительно глубже.

Научный успех неоклассического синтеза в большой степени объясняется его успешным практическим применением, особенно во время президентства Кеннеди и в первый период президентства Джонсона. По мере ускорения инфляции в конце 1960-х годов практические достижения неоклассического синтеза и, соответственно, его теоретические основания стали во все большей степени подвергаться сомнению. Однако наиболее чувствительным ударом для него явилась стагфляция середины 1970-х годов, которая явилась результатом повышения цены на нефть: стало очевидным, что экономическая политика не в силах поддержать устойчивый рост и низкую инфляцию. Призвав на борьбу с неоклассическим синтезом, Лукас и Сарджент (Lucas and Sargent, 1983) оценили его предсказания как «эконометрический провал крупного масштаба». Но не следует осуждать теорию за неспособность предугадать шоки и их последствия, которые не наблюдались никогда ранее;

немногие теории выдержали бы такую проверку. Если событие может быть объяснено постфактум, то нет оснований для особого беспокойства. И действительно, вскоре после этого были предложены расширенные модели с учетом такого шокового изменения предложения, как изменение цены на нефть. Такие основанные на неоклассическом синтезе аналитически или эмпирически расширенные модели все еще успешно применяются при анализе и определении политики. Тем не менее, стало ясно, что, хотя модели действительно могут пересматриваться *ex post*, имелись более серьезные проблемы, которые не позволили предсказать события 1970-х годов. В вышеупомянутой полемической статье Сарджент и Лукас писали: «То, что доктрина, на которой зиждились [эти предсказания], имела коренной изъян, просто очевидно».

«Коренной изъян» заключался в асимметричном подходе: с одной стороны — экономические агенты, которые считались в высшей степени рациональными субъектами, а с другой — рынки, не способные привести заработную плату и цены к соответствующим уровням. События 1960-х годов, а также несогласованность между представлением покупателей и фирм в качестве чрезвычайно рациональных агентов, принимающих решения с учетом временной перспективы, придали противоречию между рациональными экономическими разумными агентами и близорукими обезличенными рынками еще большую очевидность. Еще более подчеркнуло это противоречие исследование равновесий при ценах, которое впало в такую крайность, как принятие цен и объемов без объяснений и нахождения их на условиях макроэкономического равновесия при внерыночной расчистке рынков. Безрезультатность этого исследования ясно показала, что продвигаться вперед можно, лишь понимая, почему рынки не приходят в равновесие и почему цены и заработная плата не адаптируются. В результате в США исследования в этом направлении в основном прекратились, хотя и продолжают весьма активно в Европе.

Решение, предложенное Лукасом и другими исследователями в рамках «нового классического синтеза», было и продолжает оставаться крайне непопулярным среди экономистов, воспитанных в духе неоклассического синтеза. Это решение должно было формализовать экономику так, будто бы рынки конкурентны и моментально приходят в равновесие. Априори вызывало возражение допущение «будто бы», так как рынки труда и товаров непосредственно свидетельствовали о том, что происходит существенный отход от конкуренции; кроме того, многие считали этот подход неперспективным для объяснения экономических колебаний и безработицы. Фишер (Fisher, 1977) и Тейлор (Taylor, 1980) в своих работах показали, что кривую Филлипса «инфляция—безработица» можно заменить моделью подробного назначения цен и заработной платы, сохраняя при этом большую часть традиционных результатов. Но было также ясно, что рынки труда и товаров несравнимо сложнее, чем это отражено этими моделями. Поэтому

последние исследования в большой степени обращены к микроэкономическому функционированию рынков труда и товаров. Эти исследования охватывают влияние страхования и асимметричной информации, эффективную оплату труда, монополистически конкурентное и олигополистическое поведение на товарных рынках. Теперь уже ясно, что большинство предложенных объяснений динамики цен и заработной платы могут быть отнесены и на другие компоненты модели и что изолированное рассмотрение в неоклассическом синтезе решений по объемам и динамики цен может часто вводить в заблуждение. Как бы то ни было, эти исследования носят пока еще в значительной степени умозрительный характер и далеки от завершения. Новый синтез, в лучшем случае, только зарождается.

БИБЛИОГРАФИЯ

Baumol, W.J. 1952. The transactions demand for cash. *Quarterly Journal of Economics* 66, November, 545-56.

Fischer, S. 1977. Long-term contracts, rational expectations, and the optimal money supply rule. *Journal of Political Economy* 85(1), February, 191-205.

Friedman, M. 1957. *A Theory of the Consumption Function*. New York: National Bureau of Economic Research.

Hansen, A. 1949. *Monetary Theory of Fiscal Policy*. New York: McGraw-Hill.

Hicks, J. 1937. Mr Keynes and the 'classic': a suggested interpretation. *Econometrica* 5, April, 147-59.

Lucas, R. 1980. Methods and problems in business cycle theory. *Journal of Money, Credit and Banking* 12 (4), Part 2, November, 696-715.

Lucas, R. and Saigent, T. 1983. After Keynesian macroeconomics. In *After the Phillips Curve: Persistence of High Inflation and High Unemployment*, Federal Reserve of Boston.

Metzler, L. 1951. Wealth, saving and the rate of interest. *Journal of Political Economy* 59, April, 93-116.

Modigliani, F. 1944. Liquidity preference and the theory of interest and money. *Econometrica* 12, January, 45—88.

Modigliani, F. 1980. *Collected Papers. Vol. 1: Essays in Macroeconomics*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Modigliani, F. and Brumberg, R. 1954. Utility analysis and the consumption function: an interpretation of cross section data. In *Post-Keynesian Economics*, ed. K.K. Kurihara, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Patinkin, D. 1948. Price flexibility and full employment. *American Economic Review* 38, September, 543—64.

Patinkin, D. 1956. *Money, Interest and Prices*. New York: Harper & Row.

Phelps, E. 1972. *Inflation Policy and Unemployment Theory*. London: Macmillan.

Samuelson, P. 1951. Principles and rules in modern fiscal policy: a neoclassical reformulations. In *Money, Trade and Economic Growth: Essays in Honor of John Henry Williams*, ed. H.L. Waitzman, New York: Macmillan.

Samuelson, P. 1955. *Economics*. 3rd edn, New York: McGraw-Hill.

Taylor, J. 1980. Aggregate dynamics and staggered contracts. *Journal of Political Economy* 88(1), February, 1-23.

Tobin, J. 1956. The interest-elasticity of transactions demand for cash. *Review of Economics and Statistics* 38, August, 241-7.

Tobin, J. 1958. Liquidity preference as behaviour towards risk. *Review of Economic Studies* 25, February, 65-86.